

Стихи Иосифа Гальперина насыщены неоднозначностью поэтического слова. Поэтический жест его твёрд и точен. Автор наполняет свои строки разнообразием стихотворных приёмов, призванных отразить его нестандартное мировидение. Читатель этих крепко сколоченных стихов должен дать себе труд – вдуматься, осмыслить своеобразие стихотворной речи Гальперина. Но в любом случае он, читатель, не может не воспринять экспрессию и динамику поэтического высказывания автора.

Д. Ч.

* * *

Сквозь двери, стенки, лестницы, болезни,
холодные пугая времена,
летит – сопротивляться бесполезно –
душистое предчувствие вина.
Рожденный дух младенчески заплакан,
отвыкший нюх и дразнит, и стыдит,
возвратом силы бьёт в сердечный клапан,

бесцеремонной лапой теревит.
Он требует участия и поддержки,
и в долгую включаешься игру,
руками перемешивая дерзко
измятых ягод сок и кожуру.
Светило солнце сквозь лозу и листья,
переходило в пальцы через плоть
созревших гроздьев – ну и чьи тут кисти?
Суть сохранить – объём перемолоть.
Ты гонишь сладость запаха и вкуса,
как мнёшь слова к прозрачности строки, –
и винное прозрачное искусство
умножит мощь стареющей руки.

БАЛЛАДА О НЕВЕЗУЧЕМ ХОЛСТЕ

Вот замысел – и он неисполним:
художник хочет написать поэта.
Тот целый день маячит перед ним
и мыслью поэтической согрето
его лицо, движения резки,
поэт спокойно может улыбнуться.

Лови, художник, воздуха мазки
и пепел в тине треснутого блюда.
Тень угловата, но гармоний ток
струится за словами и молчаньем,
и каждый слог велик и одинок,
и каждый жест свободен и печален.
Им разговаривать – как водку вместе пить,
но холст один – и он неразделимый,
а жизнь течёт, её не уместить
в условность поэтического грима.
Рисунок губ, слова определив,
меняется наитием мгновенным,
словесного искусства перелив
не застывает краской неизменной.
И вот уже грубеют голоса
и спор гудит о качестве искусства...
Поэт бежит, спасибо не сказав,
лифтёром заступает на дежурство.
Но у художника не зря натянута холст,

обида подгоняет вдохновенье,
и он скоблит, как пёс голодный – кость,
он чистит место под произведение.
Давно хотел писать автопортрет...
Замкнуть свой мир, открывшийся сегодня,
в лакуну времени, ей имя дать и цвет.
Себя он знает, пишется свободно.
Наушники! Пусть музыка войдёт
намёком личного особенного взгляда,
она не выдаст!.. Но уйдёт под лёд
холста и красок, лака и распада.
Ему казалось: ноты не соврут

и эхо повторит объём гармоний,
но их ловить – опять напрасный труд,
как у стихов – они многосторонни.
Слова и звуки кисть не утвердит.
Вот бабочки, пришил – и любуйся...
И он за нож схватился, как бандит,
какая рифма! – совершил убийство.
Художник казнь картины повторил,
свои сомненья изводя под корень.
Есть плоть под слоем краски и чернил,
он вглубь пошёл. Что стало общим горем.
Не глядя на знакомое лицо,
он холст изрезал и унёс на свалку.
Я написал – и я замкнул кольцо.
Несостоявшихся портретов жалко.

ВОДОПАД КРИММЛ

Где бьётся об воду вода,
спеша, со скал соскальзывая,
и остро, как осколки льда,
счищает быт, освежая,
где одиночество гремит
на ложе столкновений встречных,
но рифма капель говорит
с моею капсулой сердечной, –
учусь замкнуться и лететь,
разбиться, чтобы раствориться,
и замереть, впадая в твердь,
и водопадом наладиться.

ШОТЛАНДИЯ

Мох и плющ покрыли графские воротца,
триста лет и кирпичу убавят тупость.
Пробегающий олень из благородства
не заметит обветшавшую доступность.
Диким кроликам – опушки, а не кущи,
нам – туда, где из-под ног летят фазаны,
где в наследственном владенье неимушим
конь в пальто, дымясь, выходит из тумана.
Здесь в Шотландии на висковом заводе,
расцветая в нежных бронхах постоянством,
горло выгладит литой глоток свободы,
нулевым меридианом по пространству.
Ты дыши, теперь, пожалуйста, ровнее,
отходя от давней линии отсчёта:
никогда чужим словам не стать роднее
Стивенсона или Вальтер Скотта.

* * *

Где камень скомканной газетой
лежит в подножии травы,
там ночь разута и раздета
идёт на вы.
Шаги бесчувственно-смертельны,
не намекая, не грозя,
отдельно или же артельно
ведёт стезя.
Здесь мимо кладбища на небо
тропой знакомых мужиков
при свете дня иду нелепо,
на всё готов.
Бликует камень, не газета,
чья ложь раскрыта белым днём,
впечатаны кусочки света
сухим огнём.

* * *

Сколько лайков уместится на могильной плите,
ставя в мемориал виртуальную славу?

А ветра и дожди равнодушьем плетей
сколько знаков сотрут на бетоне корявом?
Вот о чём эти знаки, ты сам посуди:
кто там рад, что ты жил, а кто-то – что умер?
Ты восторги и гнев расточил по судьбе,
плюс на минус – нулю они равные в сумме.
Равнодушие, нули – обречённый набор:
подготовка ведётся к исчезновению.
С чем ты спорил – забудь. Не выиграть спор.
Размыкаются связи, рассыпаются звенья.
Бессистемной толпой бегут облака,
непонятные знаки, неслышные птицы...
Целый мир не объять уже наверняка,
но как ярко и больно сияют частицы!

* * *

Когда дыхание и есть душа,
пристрастный опыт видит больше тела:
волненья вдохов исповедь вершат,
в оттенках выдоха свобода пролетела.
Нерасторжима с воздухом земным,
открытая под истиной расхожей,
душа всё знает – и несокрушим
желанный дух от светоносной кожи.
... Когда болезнь бездушно воздух мнёт,
жизнь выжимая из телесной клизмы,
и грудь дрожит, чтоб пересилить гнёт,
вздохнуть двояковыпуклою линзой,
когда следит над миром сборщик душ,
какие лёгкие уже отяжелели, –
глоток любви в запасе обнаружь
у края бессознательной постели.

* * *

Опираясь рукою на тень на незримой стене,
еле видимым ступеням свою доверяя нагрузку,
По неверным ступеням иду к тебе, письменный стол,
утешая себя, предавая старенью минуты.
Дом столетний

клавиатуру обрёл,
из-под клавиш ступеней получая мелодию утра.
Обретенье теней. Безбоязненно, как объектив,
огляди своё тело беспощадным рентгеновским взглядом,
огляди своё время
и пиши, удила закусив,
не о теле и времени, о невидимых гранях распада,
а о том, что растёт, расцветает, несёт семена,
проникает корнями, бетонные треплет заборы,
выпрямляет сердца

и дыхание женского сна.
Пустоту трясогузок наполняю внутренним взором.

* * *

Время это и есть бог,
невидимый и вездесущий.
Прячется в каждом семени
и гаснет в каждой искре,
но позволяет ему не взойти,
а ей – полыхнуть вселенским пожаром,
допускает свободный выбор.
Время живёт в нас и мы живём в нём,
оно – не он и не она,
неуловимо и определённо.
Без него и волос не упадёт,
а жатва его абсолютна.
Время творит мир непрерывно и бесконечно,
даже пустоты его – наше безвременье.
Вовремя наступивший рассвет разделяет хляби,
а белые карлики и чёрные дыры
поют ему славу,
переливаясь в песочных часах излучений.

* * *

Запись в Книге больших убийств,
первый том и страница первая:
«Нечестивые истреблены.
Смыты волнами, всё расчищено.

Велика благодарность праведных».
Том второй, наверху, в начале:
«Занесли благодарность праведным,
истребившим общих врагов.
Не у тех плясали камней
и по-своему жить хотели».
Снова запись, страница триста,
ну а том, допустим, семнадцать:
«Мы, как праведные всегда,
зачищали огнём нечестивцев,
крест творивших двумя перстами».
Надпись
на Книге больших убийств:
«...и волос не упадёт...»

Светлана Кочергина. Игра разума.
Холст, масло, 50X61.